

События главы происходят во время пятого тома четвёртой части (17 том по сквозной нумерации)

— Госпожа Брюнхильда, это комната для госпожи Розмайн.

— Хорошо. Пожалуйста, скорее доставьте багаж, чтобы я могла подготовить комнату, пока госпожа Розмайн проводит ритуал.

Так настала середина осени, и я вернулась в родительский дом в Грешеле с госпожой Розмайн. Я должна проверить все ли на своих местах в гостевой комнате, подготовленной слугами семьи, достать из деревянных ящиков предметы обихода и подготовить для удобного использования. Раздавая указания слугам, я услышала радостно окликнувший меня голос: «Добро пожаловать домой, сестра». Я повернулась и увидела бодро идущую ко мне сестру — Бертильду, чьи розовые локоны колыхались в воздухе. По улыбкам, нацеленным на сестру рыцарями сопровождения, могу сказать, что она очень спешила ко мне.

— Сестра, позволь помочь тебе, и Расскажи, пожалуйста, о дворянской академии. Я хочу поговорить об этом в детской комнате зимой.

Она хотела получить темы для разговоров, чтобы завладеть инициативой в детской комнате. Бертильда кажется ещё совсем ребенком, возможно, от того, что подражает мне во всем. Иногда это мило, но зачастую раздражает, когда она копирует меня в том, что мне не нравится.

— Правда, что важно владеть информацией, но не следует это делать в такой прямолинейной манере. Будь внимательна и не повторяй ошибку дважды.

— Прости. Мы так редко можем поговорить, сестра, совсем растерялась.

Я сделала небольшое предупреждение и продолжила приводить гостевую комнату в порядок, между делом рассказывая свои впечатления о дворянской академии в качестве слуги-ученицы госпожи Розмайн. Мы говорили в конце весны, совсем немного, но с тех пор, как стала жить в замке, я проводила большую часть времени подле госпожи.

— Даже если спешишь, тебе надлежит выглядеть степенной и грациозной. Как только я выпущусь из академии, ты станешь последовательницей госпожи Розмайн и будешь распространять тенденции. Кстати говоря, ты не спрашивала госпожу Эльвиру, сможет ли она дать тебе несколько наставлений?

— Да. Возможно, благодаря твоим усилиям в этом году в дворянской академии госпожа Эльвира приняла меня с распростертым объятьями, говоря, что ей нужна высшая дворянка,

которая станет слугой госпожи Розмайн и продолжит в той же манере подготавливать чаепития с кандидатами из высших герцогств и членами королевской семьи, чему я была несказанно рада.

Я вспомнила, что произошло в дворянской академии, из-за чего у меня вырвался смешок.

— Нелегко быть в свите госпожи Розмайн. Тебя неожиданно вызывают к королевской семье, или же ты встречаешься с большими герцогствами, с которыми вы не имели дел раньше.

В этом году в дворянской академии мне приходилось общаться с людьми, с которыми были немыслимо иметь дела при прежнем Эренфесте.

— Особенно неожиданным был вызов принцем Анастасием, в тот момент вся свита побледнела, не зная, как реагировать. Естественно, мы никак не выдали своего волнения перед госпожой Розмайн.

Госпожа Розмайн была удивлена и озадачена, но она являлась первокурсницей и не знала, какой была дворянская академия раньше. Похоже, она была убеждена, что всё так и должно быть. Это значило, что для свиты было ещё важнее не демонстрировать волнения или раздражения, чтобы госпожа не тревожилась лишний раз.

Я взглянула на слушающую Бертильду, оттенок глаз которой так походил на мой, и рассказала ей, как мое сердце сжалось, когда я получила приглашение от королевской семьи, и как я распорядилась, чтобы у личных поваров госпожи Розмайн всегда было по два вида десертов для любого неожиданного вызова.

— Обычно фунтовые кексы хранятся пару дней. Нет необходимости печь их ежедневно, но важно иметь готовыми на всякий случай.

Также я поведала, что фунтовые кексы были в диковинку для больших герцогств, и что госпожа Розмайн подготовила несколько новых видов десертов самолично. Бертильда встретила это с радостью: она обожает сладкое.

— Принц Анастасий выпустился, а на собрании герцогов не было дебюта нового члена королевской семьи, так что не думаю, что нас ждут новые вызовы от королевской семьи в следующем году.

Пока говорила, я распорядилась, чтобы писчие принадлежности для чиновников-учеников на столе были готовы к использованию, положила чайные листья и сервиз на тележку и в шкаф, чтобы можно было заварить любимый чай госпожи Розмайн, и проверила магические инструменты дабы убедиться, что заварить чай можно в любой момент. После мы достали из ящика ванне принадлежности: унишам и мыло.

— Бертильда, у этого унишама от компании «Гилберта» новый аромат: раффель¹. Госпожа Розмайн посоветовала его мне, поэтому я пользуюсь им сейчас.

Сказав это, я слегка встряхнулась волосами, а Бертильда приблизилась к моему лицу. Она втянула аромат и зачарованно посмотрела на меня.

— Как приятно пахнет. Завидую тебе, ведь ты живешь в дворянском районе, где проще заполучить новинки. Сестра, у тебя нет подарка для меня?

— Я приказала доставить его в зимний особняк примерно к твоему прибытию в дворянский район, Бертильда. В детской комнате будет благоухать, и ты сможешь также надеть свое украшение для волос.

Я продолжила о том, как госпожа Розмайн попросила меня выбрать украшение для волос для всех девочек в академии, и между тем я отдельно заказала украшение для волос для семьи. Бертильда широко улыбнулась. Это был подарок для сестры, которую я редко вижу, поскольку мне предоставили комнату в замке как последовательнице госпожи Розмайн, когда я вернулась из дворянской академии. Мне так приятно видеть, как Бертильда радуется.

— Что важнее, мне интересно, доставили ли выбранную мной ткань с конкурса по окрашиванию?

— Да. Так как ты посвятила нас в детали конкурса и приобрела ткань, мы решили перекроить наш гардероб. Мы перешиваем платки, воротники и тесьмы. Но времени мало, а ткани недостаточно для новой зимней одежды.

Так как конкурс происходил в замке, дворяне в землях гибов имели мало возможностей узнать об этом больше. Я же купила ткань по своему выбору и попросила слугу, присматривающего за зимним особняком, отправить её от моего имени.

— Отец был крайне рад получить ткань и письмо от тебя, сестра. Он сказал, что ты, являясь последовательницей госпожи Розмайн, знаешь всё о моде в дворянском районе.

— Ах, я же следующий гиб Грешеля. Разве это не само собой разумеющееся?

— Ты можешь положиться на меня. Я сделаю все, чтобы помочь тебе, сестра.

Мы ухмыльнулись друг другу, закончив с подготовкой гостевой комнаты, затем направились в комнату матери, чтобы доложить об этом и узнать, что подадут на ужин. Это комната первой жены на первом этаже, где она дает указания слугам, когда дома гости.

— Мама, комната госпожи Розмайн готова.

— Вы обе хорошо постарались. Брюнхильда...я должна сказать кое-что важное. Можем поговорить, пока госпожа Розмайн не вернется?

— Да. Бертильда, тебе нужно идти.

У меня не было больше работы в качестве слуги-ученицы, пока госпожа Розмайн не вернется. Я вывела Бертильду из комнаты и повернулась к матери. Что случилось? Она выглядела измученной.

— Вторая жена беременна... Если родится мальчик, почти наверняка он станет следующим гибом.

От слов матери меня затрясло. Он будет иметь подавляющее преимущество в том, чтобы стать наследником. Я смотрела на нее, чувствуя, как мои ноги тянуло к земле. Мама, должно быть, думала о многих вещах. Вероятно, в этом и была причина, почему она выглядела усталой.

— Если ребенок окажется мальчиком, что это означает для нашего будущего?

Услышав слова материнской тревоги, я нахмурилась. Если ребенок второй жены, мальчик, станет следующим гибом, это повысит положение второй жены, в то время как первая жена очутится в шаткой ситуации. На маму, оставшуюся дома, решение, кто будет следующим гибом: я или ребенок второй жены, окажет большое влияние.

— Нет смысла волноваться из-за еще не рожденного и не выросшего мальчика, мама. Даже если у второй жены будет мальчик, это не обязательно значит, что я буду отмечена как следующий гиб.

— Так думаешь?

Мама скептически наклонила головой, но я ещё не была готова сдаться. Существует большая разница в том, чтобы быть гибом или обычной высшей дворянкой с точки зрения влияния на модные тенденции. Я отчетливо почувствовала это на конкурсе по окрашиванию, где я смогла стать основоположницей моды.

— Как мама и папа знают, я принесла полиграфию в Грешель благодаря тому, что вхожу в свиту госпожи Розмайн, и сыграла важную роль в распространении последних тенденций. В дворянской академии мне довелось общаться с королевской семьей и свитой из герцогств высокого ранга. У меня есть достижения, которые убедят отца. Если я заполучу хорошего мужа и покровительство будущей первой жены ауба — госпожи Розмайн, я смогу обернуть половые различия в свою пользу.

Но добавила в своих мыслях: «До тех пор, пока сын второй жены не войдет в свиту господина Вильфрида и не достигнет того же, что и я». Власть ауба больше его первой жены. Но даже так

отец теперь никогда не позволит ему служить господину Вильфриду, через десять лет он будет женат на госпоже Розмайн, и вполне возможно, что окружающие будут иметь другое мнение о нем. Тем не менее, чтобы развеять опасения матери, я осмелилась заявить, что возможно преодолеть половые различия.

Мама, смотревшая на меня, вздохнула с облегчением. Мне тоже полегчало. В этот момент я посчитала, что это был конец тяжелого разговора, но она вновь заговорила с серьезным лицом:

— Если тебе покровительствует госпожа Розмайн, как насчет господина Хартмута в качестве твоего мужа?

— Нет, ни за что. Я точно не хочу иметь такого мужа, как Хартмут, ни при каких обстоятельствах, и этого, по-видимому, никогда не произойдет.

Я сразу же отвергла ужасное предложение матери.

— Ох, но почему? Он прослыл безупречным чиновником-учеником, и госпожа Розмайн тепло примет вас, не думаешь? Он третий сын высшего дворянина из Лейзегангов и служит той же госпоже, поэтому ты его хорошо знаешь, так?

— Поэтому и нет. Нельзя ожидать от Хартмута поддержки следующего гиба Грешеля, так как он получает огромное удовольствие от служения госпоже Розмайн. Он предпочтет служить в свите госпожи Розмайн остаток жизни, нежели руководить Грешелем. Но прежде всего я хотела бы кого-то более нормального.

Хартмут может показаться хорошим, если только смотреть на его близость к госпоже Розмайн, безупречность как чиновника-ученика, то, что он высший дворянин из Лейзегангов, а также третий сын, который может войти в семью, но все его достоинства сходят на нет из-за одного его: «Госпожа Розмайн превосходна».

Ни одна женщина не захочет выйти за муж за этого мужчину, если увидит, как он восхваляет и молится госпоже Розмайн. Оттилия говорила: «Не думаю, что у него будет приличная жена, если не смотреть на его статус. Разве что какая-нибудь семья захотела бы матрилинейного брака², но я в принципе не считаю, что ему, как третьему сыну, необходимо жениться».

Думаю, естественно в такой ситуации избегать брака с ним.

— Братья Хартмута и другие высшие дворяне намного лучше самого Хартмута, есть и превосходный вариант: высшие дворяне из других герцогств. Если смотреть на текущие отношения, ясно, что связей с большими герцогствами будет все больше в будущем. Если бы я выбирала мужа, я бы предпочла кого-то из другого герцогства.

В будущем, если госпожа Розмайн станет первой женой в Эренфесте, к Лейзегангам не будут

плохо относиться и не будет такой нужды в сплочении ради помощи друг другу. Я верю в то, что отношения с другими герцогствами станут гораздо важнее для распространения тенденций и полиграфии.

— Это так? Я думаю безопаснее, если это будет человек той же крови.

Естественно, мама думает так: она не могла видеть изменений в дворянской академии. Но я чувствую возвышение Эренфеста, служа госпоже Розмайн.

— Пока я здесь, я не позволю тебе, мама, чувствовать себя незначительной. Я сделаю все, чтобы твое и Бертильды будущее было светлым. Так что, прошу, забудь о Хартмуте, как о моем женихе.

После ужина в этот же день, когда мы были настроены столь решительно, нам передали два мнения о полиграфии в Грешеле.

Не понимаю, почему госпожа Розмайн так ценит мнение простолюдинов, а не чиновников из числа дворян. Но если я не пойму, все пойдет крахом.

Готовя госпожу Розмайн ко сну, я спросила её об этом, но так и не поняла, почему она отдает предпочтение простолюдинам. Но я понимаю, что полиграфия в Грешеле может провалиться и что госпожа Розмайн почти смирилась с этим, как с чем-то неизбежным.

— Спокойной ночи.

— Теперь, когда ты закончила с обязанностями слуги госпожи Розмайн, почему бы нам не поговорить, Брюнхильда?

Когда я покинула комнату госпожи Розмайн, Хартмут ждал меня снаружи. Я боялась, что мама подстроила это, так что мое лицо невольно выразило отвращение. Но причина моего нежелание говорить с ним сейчас была в другом — я должна была поговорить с отцом о полиграфии.

— Хартмут, я... — начала было говорить я, но Хартмут тут же перебил меня:

— О госпоже Розмайн и полиграфии в Грешеле... Мне кажется, что ты, возможно, не понимаешь.

— А ты, Хартмут, понимаешь, что имела в виду госпожа Розмайн?

— Я собираю всю информацию в храме с этой целью. Можем ли мы пойти в комнату госпожи Эльвиры?

Меня раздражало, как он подготовился к тому, чтобы заставить меня выслушать его. Я потеряла всякое понимание своей госпоже и того, как работает полиграфия.

— Хартмут, ты так хорошо подготовился — это раздражает.

— Я ещё не сделал всего, — произнес с некоторым сожалением Хартмут, выглядя так, будто он вспомнил кое что ещё, а затем встряхнул головой, чтобы избавиться от лишней мысли. После он сделал глубокий вдох и пошел в направлении гостевой комнаты Эльвиры. Я шла рядом с Хартмутом.

— Гутенбергов нельзя приравнивать к обычным простолюдинам.

— Что?

— Они руки и ноги госпожи Розмайн, и их отчеты также ценны, как от родственников или доверенных слуг, если рассматривать их с нашей точки зрения.

— Говоришь, что их отчеты также важны, как от родственников или доверенных слуг?..

Я не могла поверить, что можно так доверять простолюдинам. Но если это отчет родственника или доверенного слуги, я бы непременно поверила именно его отчету.

— Сперва я тоже допустил ошибку. Я понимаю, что ты чувствуешь, Брюнхильда.

— Ты тоже ошибся, Хартмут?

Я ощутила небольшое облегчение, услышав, что даже Хартмут, казалось бы, превосходно справляющийся с подготовкой и сбором информации и восхищающейся госпожой Розмайн, которую так сложно понять, ошибся.

— Это было в тот момент, когда я находился на встрече с торговцами из нижнего города в храме.

Хартмут не стал закрывать глаза на грубые и не учтивые просьбы торговцев в их манере и вынес им предупреждение.

— Если простолюдины делают то, что им не полагается, то дворянину естественно держаться настороже, ведь так?

— О, я думал также. Непростительно для простолюдинов кусать руку кормящего — госпожи Розмайн, и мне было неприятно даже находиться там. Но из-за моего предупреждения торговцев госпожа Розмайн сделала выговор мне самому. Она была так зла, что цвет её глаз слегка изменился, и я был просто устрешен красотой и мягкостью её подавления...

— Я больше не хочу ничего слышать о твоих ощущениях, Хартмут. Пожалуйста, расскажи только реальные факты о том, что сказала тебе госпожа Розмайн.

Хартмут остановился на этом и монотонно поведал о гневе госпожи Розмайн тогда.

— Дворянам не следует вмешиваться на встречах, где люди из нижнего города делятся откровенными мнениями. Если ты вмешаешься, тебя никогда не допустят в будущем, будь ты чиновник или слуга. Госпожа Розмайн выглядела более расстроенной, чем когда предупреждала Трауготта, и все мое нутро пробрало тогда от мысли, что я могу быть отстранен.

Несмотря на отставку Трауготта, проявившего грубость, Хартмут почувствовал нависшее отстранение от службы после того, как он вмешался в разговор с торговцами из нижнего города. Хартмут сказал это с усмешкой, но мне было совсем не до смеха.

— Легко понять, что торговцы из нижнего города намного важнее для госпожи Розмайн, чем высшие дворяне. Если я буду служить ей, как служил бы другим кандидатам, она не признает моих трудов.

— Не могу поверить, что она отдает предпочтение торговцам из нижнего города, а не Хартмуту.

Это тяжело принять. Но, судя по всему, всё так и было, раз Хартмут, который посещает встречи в храме и ходит в нижний город с госпожой Розмайн, так серьезно об этом рассказывает.

— Госпожа Розмайн выросла в храме. И она все ещё проводит много времени в качестве главы храма, так? Она ведет свои дела в своих представлениях и совсем не разбирается в дворянском обществе. Госпожа Розмайн просто продолжает делать то, что делала всегда.

— Если так, я должна преподать ей урок дворянских манер...

Это ли не долг слуг? Но на мои слова, подумав немного, Хартмут покачал головой.

— Ты собираешься советовать госпоже Розмайн отдавать приоритет дворянам над простолюдинами? Это бесполезно. Важно, чтобы госпожа Розмайн познавала здравый смысл дворян. Но мы должны уважать мнение госпожи, заложившей полиграфию.

— Почему это?

— Полиграфия развивалась в близком взаимодействии госпожи Розмайн и Гутенбергов. Если силой изменить ход вещей, они никогда не будут работать так, как ты хочешь.

Договорив, Хартмут постучал в дверь гостевой комнаты госпожи Эльвиры.

— Ты сказал, что хочешь сказать что-то важное о полиграфии?

В ответ на вопрос госпожи Эльвиры Хартмут начал объяснять положение вещей. Я хотела добавить о том, какой разговор у меня состоялся между мной и госпожой Розмайн во время её подготовки ко сну.

— Госпожа Розмайн сказала, что подход гиба Грешеля отличается от других. Похоже, это причина провала полиграфии. Вы понимаете, что это значит, госпожа Эльвира?

Также как Хартмут, высший дворянин, мог не понять мыслей госпожи Розмайн, я полагала, госпожа Эльвира могла не понять их тоже. Однако она кивнула с серьезным лицом, не думая ни мгновения.

— Да, Грешель крайне отличается от Хальдензеля.

— В чем эти отличия?

— Это пропасть между дворянами и простолюдинами, в том числе гибом. Когда Розмайн прибыла, она спросила гиба, где проводится ритуал, не так ли? Я была удивлена, что гиб не смог ответить. И праздник урожая, и весенний молебен празднуются в Хальдензеле во главе с гибом.

Госпожа Эльвира рассказала нам о проводимых в Хальдензеле ритуалах. Дворяне и простолюдины вместе поют, пляшут и восхваляют богов за собранный урожай. Я совсем не могла этого представить. Это немыслимо для Грешеля.

— Было бы неплохо пересмотреть вашу позицию как землевладельцев. Это долг гиба видеть преимущества и недостатки своих земель, защищать и править людьми. Но не в Грешеле, да?

После слов госпожи Эльвиры я почувствовала, как все мое тело сгорает от стыда. Дворяне в Грешеле, сравнивая с другими землями, гордятся, что их город больше похож на дворянский район, чем другие.

— Грешель был построен для госпожи Габриэлы, и он остается точно таким же, как тогда. Несмотря на то, что вы так не любите Габриэлу и Веронику, вы придерживаетесь вида Грешеля такого близкого к дворянскому району, насколько возможно, как хотели того именно они, даже

когда их нет с нами. Полиграфия может потерпеть крах по этой причине, что иронично.

Я потеряла дар речи, когда госпожа Эльвира высказала, что судьба полиграфии во многом зависит от избавления от образа мысли, укоренившегося в Грешеле.

— Грешель... Нет, Брюнхильда, если ты хочешь преуспеть в полиграфии, тебе следует придерживаться уже зарекомендовавших себя методов. Если придерживаться собственных методов, не переняв верный путь, как можно получить тот же эффект? Поменяй образ мысли. Важно пытаться меняться.

— Вы о смене взглядов?

Мне кажется это настолько сложным, что весь мой разум пробрал ужас. Будет невозможно изменить образ мысли дворян в Грешеле и пересмотреть взаимоотношения с простолюдинами, как госпожа Розмайн. Не думаю, что смогу измениться.

Должно быть она заметила, что я ушла глубоко в мысли. При первом взгляде мне казалось, что она немного насмехается надо мной, но сейчас она улыбалась, её угольно-черные глаза были направлены на меня, как бы успокаивая.

— Брюнхильда, это не так сложно. Ты уже сделала это. Корнелиус сообщил мне, что твои прежние знания, здравый смысл и опыт были совершенно неприменимы к твоей жизни в дворянской академии с Розмайн, не так ли? Каждый раз ты должна была справляться с выходами Розмайн.

Как она и сказала, я припоминаю дни в дворянской академии. Я рассказывала Бертильде — это была череда непредвиденных событий. Когда было объявлено, что все экзамены были сданы в первый день, и мы пойдем в библиотеку, когда мы организовали чаепитие в библиотеке, когда мы были неожиданно вызваны королевской семьей, когда госпожа Розмайн потеряла сознание посреди чаепития... Все произошедшее действительно за пределами нашего опыта и здравомыслия; каждый раз мы должны были ломать голову в попытке справиться лучшим образом.

— Также и с полиграфией, с которой теперь ты должна вести себя иначе. Ты в силах ответить на изменения или упрямо отвергнуть их. Грешель тоже выберет или то, или другое.

Выслушав госпожу Эльвиру, я увидела развилку перед собой. То, что она дала хороший пример, как дела обстояли в дворянской академии, помогло увидеть ситуацию четче.

— Гиб Грешеля решил распространить полиграфию. Не простолюдины. Но простолюдины следовали указаниям гиба и обучились у Гутенбергов работе в новой отрасли. Это ещё не провал. Лишь новый путь для развития.

Хартмут кивнул, соглашаясь со словами госпожи Эльвиры.

— Брюнхильда, ты уже видишь в этом неизбежную неудачу, но в Хальдензеле также были проблемы с металлическими литерами. Это не только проблема Грешеля, поэтому решение было дано незамедлительно. Как и решения для очистки грязной воды — использование магических инструментов, или перемещение мастерских в место с чистой водой, или что-то ещё в этой ситуации.

Кроме того решение целиком и полностью лежит на плечах гиба Грешеля, как они говорят. Если решение существует, если путь к успеху известен, я бы хотела измениться ради этого.

Превыше всего, если я хочу, чтобы госпожа Розмайн переняла здравый смысл дворян вместо храмового, я также должна принять новый здравый смысл. Я не могу просить от госпожи того, что не способна сделать сама.

— Я как следующий гиб Грешеля хотела бы убедить отца. Госпожа Эльвира, Хартмут. Простите, что прошу, но не могли бы присоединиться ко мне после завтрака?

Я решительно подняла взгляд, и они серьезно кивнули.

— Конечно, я помогу.

— Я не могу позволить Грешелю не оправдать надежды госпожи Розмайн. Я предприму все возможное.

Спасибо, Хартмут, но лучше действуй сдержанно.

Я слегка улыбнулась, скрывая истинные чувства.

Примечания:

1. Раффель в оригинале зовется □□□□ (РаФФеРу). Тор, сирота Хассе, собирающий эти фрукты в лесу, назвал их прекрасными осенними фруктами. Он также указал, что раффели очень похожи на летние раншели, но кислее и жёстче, а залитые мёдом и нарезанные они очень хороши зимой. Возможно, эти фрукты названы в честь Франсис Джейн Раффелл. По крайней мере, на катакане её фамилия записывается также, как и название этого фрукта.

2. Под матрилинейным браком понимается ситуация, когда муж входит в семью жены, а не наоборот. Такие браки уже несколько раз упоминались во Власти Книжного Червя, хоть и не назывались так. Например, таков брак Кассика и Терезы (родителей Филины).